

Александра Яцык

Елена Трубина. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 520 с. ISBN 978-5-8679-3823-9.

Александра Яцык. Адрес для переписки: КНИТУ им. А.Н. Туполева, кафедра социологии, политологии и менеджмента, ул. Карла Маркса, 10, Казань, 420111, Россия. ayatsyk@gmail.com.

Книга екатеринбургской исследовательницы Елены Трубиной, посвященная картографированию теорий города в социальной мысли, стала заметным событием в российском интеллектуальном сообществе. Подтверждением тому могут служить две благосклонные рецензии в серьезных журналах – московском и вильнюсском (Михеева 2011; Хлевнюк 2011). Несмотря на то, что каждая последующая рецензия грозит стать повторением уже высказанных идей, мне хотелось бы не столько обсудить содержательную часть монографии, сколько сфокусировать свое внимание на анализе предложенных автором теоретических сюжетов как оптик рассмотрения городской жизни. Это тем более уместно, что и сама Елена Трубина видит свою задачу в комплексном представлении поля западных *urban studies* и в их применении к современным российским реалиям. Постоянное сравнение «нашего» и «их» опыта в соотнесении с высказанными теоретическими идеями является лейтмотивом всей книги.

Во введении автор говорит о том, что в постсоветском пространстве должен произойти поворот от модернистского «контейнерного» мышления к реляционному, делающему акцент на понимании города не как замкнутой территории внутри национального государства, а как совокупности сетей, потоков, локального и глобального, человеческих и материальных ресурсов. «Контейнерность» отечественного урбанистического дискурса проявляет себя в иерархизации российских городов по шкалам «столичности – провинциальности» и в зависимости производства знания от конкретного места. Автор с сожалением констатирует, что ключевые западные теории представлены у «нас» фрагментарно, а «их» объяснительные схемы зачастую используются для анализа российских реалий без учета контекста. Трубина подвергает критике также и тот факт, что в российских публикациях широко распространены способы познания города, которые в значительной степени продиктованы интеллектуальной модой и заманчивостью манифестационных высказываний (идей ситуационистов и британских культурных географов), а не взвешенным вдумчивым подходом. Между тем одной лишь манифестационности здесь мало, ее нужно сочетать со «скучными» вопросами о материальной среде города, ресурсах, власти.

В последующих главах исследовательница пытается представить свое видение западных теорий, которые могли бы помочь понять современную российскую городскую действительность наиболее адекватно.

Так, в первой главе, посвященной классическим теориям города, она много говорит об идеях Георга Зиммеля и о знаменитых «городских экологах» Чикагской

школы, но «забывает» о Максе Вебере, несмотря на то что последний внес значительный вклад в понимание жизни капиталистического общества того времени. В чем причина столь явной избирательности автора? Не в сюжетах ли о сетевой природе городских интеракций, идее Чужого и границы, в которых классические авторы предвосхищали «повестку дня» современной урбанистики?

Во второй главе автор обращается к неклассическим теориям города. Этот раздел, в отличие от предыдущего, гораздо более насыщен именами и отсылками к разнообразным городским феноменам: здесь и постколониальная критика Бабы, Негри, Чакраворти и Спивак, и феминистское видение асимметрии городского пространства Вулф, де Бовуар и других авторов, включая российских, и постмодернистские идеи школы урбанистики в Лос-Анджелесе, представленной Дэвисом, Соджей и Джеймисоном. Работы последних Елена Трубина разбирает более внимательно, выделяя их принципиальное отличие от «классического» взгляда Чикагской школы. Так, по ее мнению, лос-анджелесские теоретики говорят не о моноцентричном, а о полицентричном городе, что, в свою очередь, смещает фокус их интереса не в центр, а на периферию, на процессы деиндустриализации и роста сектора культурных индустрий, а само развитие города понимается ими не как линейное, а как зависящее от часто не детерминирующих друг друга факторов. Между тем, как замечает Трубина, многие идеи представителей Чикагской школы развиваются и здесь: это и концепция «упорядоченного мира» Соджи, отсылающая к понятиям Парка, и «экология городского страха» Дэвиса, в основе которой – классическая концепция концентрических зон Берджесса. Разбору «урбанистического миллениаризма» Дэвиса, как и марксистского постмодернизма Джеймисона, воплощенного в рассуждениях об отеле «Бонавентура», а также пространственных идей Соджи посвящены отдельные фрагменты этой главы.

В последующих шести главах автор анализирует различные контексты города: экологические, транспортные, экономические, глобализационные, политико-управленческие, социально-культурные, и, наконец – повседневные. Обращаясь к идеям теоретиков, осмысляющих развитие западных городов, Трубина иллюстрирует возможности их использования в понимании городов постсоветских – через зарисовки современной российской повседневности.

Как акторно-сетевая теория, развиваемая Латуром, может быть полезна в понимании случая вспышки легионеллезной пневмонии в Верхней Пышме в 2007 году? Почему концепция «устойчивого развития», предполагающая приоритет использования общественного транспорта, окажется провальна в России? Как связать популярность седентаризма и идей Лефевра о пространстве с массовой автомобилизацией российских городов? Как история строительства торгового молла «Парк-Хаус» в Екатеринбурге может быть проинтерпретирована в русле теории Харви? Почему, согласно Нейлу Смитю, передним краем неолиберальной трансформации городов являются не европейские столицы, а стремительно растущие мегаполисы более периферийных стран? Почему недетерриториализация, а ретерриториализация усиливает циркуляцию глобального капитала? Чем джентрификация Москвы отлична от джентрификации Сохо в Нью-Йорке, описанной Зукин? Почему город Мышкин можно назвать успешным примером

постсоветского брендинга городов? Насколько применима концепция коалиций роста Молотча к развитию «наших» городов и возможен ли «у нас» постфордистский тип городских режимов? Сколько лет должно пройти, чтобы в России вьетнамцы, таджики, китайцы и другие «невидимые» обитатели городского пространства стали героями рекламных плакатов, получив «право на город»? Как соединились в екатеринбургской выставке 2004 года «исчезнувших предметов повседневности» идеи Броделя о бессознательной вовлеченности в повседневность, Беньямина – о городских субъектах, Лефевра – о производстве и контроле пространства и Де Серто – о спонтанности сопротивления этому контролю?

В последних двух главах книги Елена Трубина размышляет о способах осмысления городского пространства с помощью метафор и о будущем города как формы организации социальной жизни в целом.

Ссылаясь на Лефевра, а также Лакоффа и Джонсона, Трубина выделяет дискурсивный и понятийно-когнитивный подходы использования метафор. В первом случае пространство-«вместилище» заменяется пространством-«репрезентацией», теряя тем самым свои изначальные «живые, физические» свойства. Во втором – метафора пространства (как «места-вместилища», и «события-структуры») не связана с дискурсивными практиками «апроприации» пространства – это часть нашего телесного опыта и когнитивных схем.

По мнению Трубиной, при всей способности метафор «схватывать» текущий опыт повседневности, они не свободны от влияния доминирующего дискурса. Развивая эту мысль, она сравнивает употребление четырех классических метафор города – базара, джунглей, организма и машины – в западной и отечественной урбанистике. Так, «город-базар» как разнообразие, живость и позитивность, согласно западным теориям, в постсоветском дискурсе ассоциируется с «дикостью и хаосом» (с. 465–466); «город-организм», как критика «патологий» капиталистического общества, противопоставляется «нашей» «хрупкой городской стабильности», а устрашающая «дикость джунглей» – «городской экзотике» (с. 480). Наконец, метафора города как «машины роста, или коалиции элит» неожиданно обретает в российском дискурсе новое значение: в отличие от западного марксистского критического запала «у нас» она воспринимается более позитивно – в рамках городского брендинга и обновления, – а растущая автомобилизация («негативно» влияющая на ряд социальных процессов – от характера публичной сферы до экологии – «там») «здесь» приобретает положительное значение автономизации и обретения своего комфортного пространства внутри личного транспорта.

Подводя итоги, Елена Трубина замечает, что современный город все же – это город, далекий от романтизированного Ричардом Флоридой креативного пространства. По ее мнению, ключевыми тенденциями, которые определяют и будут определять будущее городов, являются глобализация, деиндустриализация и постиндустриализация, динамика концентрации и рассредоточения, неолиберализация социальной политики, «рост моральной двусмысленности» и экологические проблемы (с. 499–500). Попытаться «охватить» все свойственные

современным городам противоречия можно использовав стратегии компаративной урбанистики, концепций потоков (материальных и нематериальных) и исследований локальных особенностей городского пространства.

Предложенная Трубиной карта этих подходов является, безусловно, существенным подспорьем в осмыслении современных городских тенденций, особенно потому, что ссылки на известную классическую иноязычную литературу перемежаются с анализом работ, написанных на русском языке, столь мало еще упоминаемых в отечественном теоретическом дискурсе. Это полезно не только преподавателям, но и начинающим исследователям, а легкий ироничный стиль изложения и сопровождающие текст иллюстрации российских реалий помогают без скуки преодолеть пятисотстраничный объем книги. Несомненным методическим достоинством этой работы является и глоссарий.

Между тем, сам формат книги остается не совсем ясным. Она не похожа на монографию, потому что все примеры лишь иллюстративны, как будто они приведены в ходе беседы на городской прогулке: «А, вот, кстати, та реклама иллюстрирует мою мысль, видишь?» (но при этом отсутствует детально прописанное case study). В то же время эта книга вроде бы не совсем учебник, поскольку в ней систематизированы теоретические подходы, представлены отсылки к источникам, есть примеры, но нет отстраненной позиции безличного изложения, свойственной всем учебникам. Учитывая, что подобный стиль социологического высказывания все чаще встречается в российских публикациях (см., например, Глазычев 2003), а также в активистских, учебных и Интернет-проектах о городе, не идет ли здесь речь о каком-то новом варианте отечественного урбанистического письма?

БИБЛИОГРАФИЯ

- Глазычев, Вячеслав. 2003. *Глубинная Россия: 2000–2002*. М.: Новое издательство.
- Михеева, Лидия. 2011. «Сумма урбанистики»: новые пространства социальной теории (Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства) // *Топос. Философско-культурологический журнал*. №1. С. 229–237 (специальный выпуск «“Пространственный поворот” в современных социальных и гуманитарных науках»).
- Хлевнюк, Дарья. 2011. Елена Трубина. «Город в теории» // *Социологическое обозрение*. №10 (1–2). С. 223–228.